

УДК 94(47).083+94(436).08

**КРИЗИС АВСТРО-ВЕНГРИИ И РУССКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ МЫСЛЬ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

© 2015 г.

М.В. Медоваров

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

mmedovarov@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.12.2014

Рассмотрены проекты реформирования и федерализации Австро-Венгерской империи в начале XX в., которые возникали как внутри нее самой, так и в России, в среде русских правых и умеренно правых мыслителей и государственных деятелей.

Ключевые слова: Австро-Венгерская империя, славянофильство, консерватизм, неославизм, Александр Киреев, Николай Данилевский, Петр Дурново, Франц-Фердинанд, Аурул Попович, Оскар Яси.

Из всего комплекса причин, приведшего к Первой мировой войне, внутренние противоречия многонациональной Австро-Венгерской империи и ее внешнеполитические противоречия (с Россией, Сербией, Италией, Румынией) занимают особое место. Вовсе не случайно, что именно Сараевский кризис 1914 г. стал поводом к началу войны, притом что и ранее (например, весной 1909-го и весной 1913 г.) австрийская политика на Балканах ставила мир на грань широкомасштабной войны. При этом внешняя политика дуалистической монархии всецело определялась проблемами в ее внутривнутриполитическом устройстве. По словам Т.М. Исламова, «закоптенная в принципиальной своей неизменности дуалистическая модель исключала возможность естественной и нормальной интеграции всех народов в быстро набиравшем силу буржуазном гражданском обществе, предпосылки которого были как раз созданы самим соглашением 1867 г.» [1, с. 26]. Межэтнические проблемы были к 1914 г. доведены до такого запущенного состояния, что для ключевой части политической элиты в Вене развязывание войны показалось единственным способом хоть как-то их разрешить. Одному из последних министров иностранных дел Австро-Венгрии О. Чернину принадлежат слова: «Мы были обречены на гибель и должны были умереть. Но вид смерти мы могли выбрать – и выбрали самую мучительную» [2, с. 533]. В таких оценках Чернин был, впрочем, не одинок [3, с. 2].

В современной историографии, особенно зарубежной, можно выделить два направления: одни историки (Р.В. Сетон-Ватсон, У.Г. Стид, С. Вэнк, Р.Дж. Вильямсон-Самуэль) были склонны подчеркивать негативные черты Австро-Венгерской империи и неизбежность ее рас-

пада, другие (А.Дж.П. Тейлор, А. Скед, Б. Джелавич, И. Деак, Кларк, Р. Бридж) делали акцент на позитивных моментах и полагали, что это государство накануне 1914 г. было еще способно к эволюции [1, с. 12–17; 2, с. 567–571]. Вряд ли, однако, те и другие стали бы возражать против утверждения, что на практике в начале XX в. эволюция политической системы Австро-Венгрии шла столь медленно, что внутренние противоречия между народами империи к 1918 г. оказалось проще решить путем ее полной ликвидации, чем реформирования.

Дуалистическая политико-административная система, сложившаяся после австро-венгерского компромисса 1867 г., основывалась на господстве двух привилегированных (немцы и венгры) и двух полупривилегированных (поляки и хорваты) народов над множеством непривилегированных народов (русины, чехи, словаки, румыны, сербы, словенцы, итальянцы). Сопrotивление дальнейшим реформам в сторону равноправия народов со стороны императора Франца-Иосифа и со стороны мадьярской шляхты привели к тому, что в начале XX в. котел межнациональных противоречий вскипал все жарче с каждым годом.

В Цислейтании шаги в сторону федерализации страны все же делались (введение всеобщего избирательного права, языковые компромиссы в Моравии и Буковине); их закономерным, но запоздалым завершением стал манифест Карла I о превращении Цислейтании в федерацию равноправных провинций, изданный 16 октября 1918 г. [2, с. 378–381, 555–557; 3, с. 45].

Напротив, Транслейтания не имела такого потенциала к внутреннему реформированию и к началу XX в. на карте Европы смотрелась явно уродливо. Существование на протяжении полувека унитарного государства, основанного на

этноязыковым шовинизме мадьяр, составлявших к 1867 г. 38% населения Венгерского королевства (к 1910 г. – 48%), и на жесточайшем подавлении всех других этносов этой части империи, не только сослужило плохую службу самим венграм, доведя их в конце концов до катастрофы Трианона (1920 г.), но и стало одним из печальных образцов, по которым еще суждено будет пройти многим государствам Восточной и Юго-Восточной Европы в XX – начале XXI в. К национальному гнету в Транслейтании добавлялся социальный: даже после частичного расширения права голоса в 1913 г. избирателем являлся лишь каждый десятый житель земель короны св. Стефана [2, с. 382–388]. Прекрасно осознавая всю хрупкость такой политико-административной системы, мадьярская шляхта и ее признанный лидер И. Тиса в период 1912–1914 гг. выступали против войн с Сербией и рассматривали вероятное присоединение новых славянских земель к империи как угрозу венгерскому господству в Транслейтании [2, с. 468; 3, с. 23–25; 4, с. 23–24, 203, 249]. В то же время до самого конца империи Габсбургов венгры противодействовали любым попыткам федерализации, чего нельзя сказать о наиболее дальновидных австро-венгерских политиках. После 1906 г. наиболее дальновидные сторонники федерализации страны группировались вокруг наследника престола, эрцгерцога Франца-Фердинанда, образуя так называемую «бельведерскую» команду политиков и интеллектуалов.

Тон повестке дня задавал сам эрцгерцог. Видя будущее империи в союзе автономных провинций со своими национально-культурными особенностями и, возможно, мечтая даже о коронации своих сыновей в Сербии и Боснии [4, с. 19–20, 202–203, 232; 2, с. 424], Франц-Фердинанд прекрасно понимал, что федерализацию следует провести одновременно в обеих частях государства. Для этого надо было в первую очередь сломать унитарную Транслейтанию с мадьярской гегемонией. План Франца-Фердинанда, разработанный в 1910–1911 гг. и вынашивавшийся вплоть до 1914 г., заключался в том, чтобы после своего вступления на австрийский престол произвести в Венгрии военный переворот сверху, ввести всеобщее избирательное право и принять новую конституцию Транслейтании. Лишь после этого эрцгерцог собирался короноваться короной св. Стефана. О незаурядных политических способностях Франца-Фердинанда свидетельствует его высказывание: «Подобно тому как при производстве надежно скрепленного бетона крупные камни размельчаются, чтобы получить гомогенную массу и создать из нее

несокрушимый монолит, так и части федеративного государства должны быть одинаковыми и равноценными для того, чтобы было обеспечено единство целого» [2, с. 415–420; 4, с. 232].

Эрцгерцогу удалось привлечь в свое окружение таких выдающихся деятелей, как румын А. Попович и словак М. Годжа (будущий и.о. президента Чехословакии). Наиболее продуманной была концепция А. Поповича, который вместе с начальником канцелярии эрцгерцога Франца-Фердинанда майором А. Брошем фон Ааренау планировал создать «Соединенные Штаты Великой Австрии» (слово *Staaten* здесь, впрочем, на русский язык корректнее переводить как «государства»). Согласно проекту Поповича 1906 г., например, Габсбургская монархия под скипетром Франца-Фердинанда и во главе с единым правительством должна была представлять собой совокупность 15 «штатов». Из них девять должны были появиться на территории Цислейтании: Немецкая Австрия, Немецкая Богемия, Немецкая Моравия, Богемия (Чехия), Западная Галиция, Восточная Галиция, Крайна (Словения), Тренто, Триест. Транслейтания делилась при этом на шесть частей: Венгрию, Хорватию, Словакию, Воеводину, Семиградье (включавшее основную часть Трансильвании и Буковину) и Страну секеев. Кроме того, во всех «штатах», где существовали более мелкие районы, населенные иными этносами (как правило, немцами), эти районы также получали автономию по плану Поповича [5, S. 317–327; 6, S. 35; 7, p. 2–3]. При всем том что этот план не решал, к примеру, русинского вопроса, в целом он удивительно точно соответствовал не только этнической карте тогдашней Австро-Венгрии, но и дальнейшим линиям ее разлома. Так, границы Немецкой Австрии, Немецкой Богемии и Немецкой Моравии, начерченные Поповичем в 1906 г., оказались уже после его смерти именно теми границами, в которых в конце 1918 г. действительно было провозглашено создание указанных образований, а в 1938 г. эта линия оказалась границей земель, аннексированных Германией.

В орбиту влияния исходивших от окружения эрцгерцога федералистских идей попал и венгерский либерал О. Яси, который раньше многих своих соотечественников понял необходимость реформ и разработал проект превращения Австро-Венгрии в «Придунайские Соединенные Штаты» [8, p. 28; 9]. Правда, детально – с учетом федерализации Транслейтании и ее превращения в «восточную Швейцарию» – Яси представил этот план на рассмотрение лишь накануне гибели Габсбургской империи, в 1918 г., а до этого (в своих работах 1912 г.) надеялся

федерализовать лишь Цислейтанию. Тем не менее в свете дальнейшей истории Восточной Европы проекты Яси можно оценить весьма высоко [10, с. 124–134, 141–152].

Таким образом, четкое представление о путях реформирования Дунайской монархии и воля к осуществлению давно назревших преобразований к 1914 г. присутствовали у «бельведерской» команды Франца-Фердинанда. Этот вопрос уже неплохо освещен в современной немецкой и австрийской историографии [6, 7, 11, 12]. Но имелось ли такое представление у наблюдателей извне, в первую очередь в России, чьи жизненные интересы находились в прямом противоречии с политической системой Франца-Иосифа? К сожалению, даже отечественные историки – специалисты по Австро-Венгрии, как правило, обходят этот вопрос стороной. Однако изучение русской общественной мысли конца XIX – начала XX в. показывает, что еще до проектов Поповича и Яси русские мыслители уже демонстрировали добросовестность, дальновидность и объективность при анализе положения дел в Австро-Венгрии и попыток дать обоснованный прогноз на будущее.

Достаточно известно, что первым детальное описание будущего распада Дунайской монархии дал Н.Я. Данилевский в своей «России и Европе», впервые увидевшей свет еще в 1869 г. К сожалению, о Данилевском гораздо чаще говорят лишь как о создателе не очень продуманной концепции культурно-исторических типов, как об убежденном панслависте, как о биологе – противнике дарвинизма, забывая другую сторону его книги «Россия и Европа», а также работы «Горе победителям», – ту сторону, в которой Данилевский проявил себя как историк и аналитик политических событий своего столетия. Его рассуждения о войнах и дипломатии наполеоновской эпохи, о процессе объединения Германии и о народах Австро-Венгрии показывают, что в вопросах истории XIX в. Данилевский был куда более компетентен, чем в построении обобщающих теорий о цивилизациях древности. Такие историки, которых невозможно заподозрить в симпатиях к славянофильству или панславизму, как М.М. Карпович в 1955 г. и П.Ю. Рахшмир в 2005 г., с удивлением отмечали удивительную глубину анализа Данилевским внутренних проблем Австрийской империи и поразительную точность его прогнозов о возникновении на ее месте новых государств [13, с. 221–223; 14, с. 15–16].

Причем, как известно, Данилевский даже высчитал примерную территорию и население этих государств, которые он хотел бы видеть членами будущего Славянского союза вместе с

Россией и балканскими странами. М.М. Карпович отмечает сходство этих подсчетов с картой Восточной Европы времен существования социалистического лагеря. За несколькими небольшими исключениями, Данилевский в 1869 г. весьма точно обрисовал те границы Советского Союза, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Румынии, Болгарии, Греции, которые установились после 1918 г. и/или после 1945 г. [15, с. 466–467].

При этом Данилевский вовсе не призывал Российскую империю к войне с Австро-Венгрией с целью установления желательных границ. Напротив, он обосновывал неизбежность внутренней трансформации Габсбургской монархии. Уделив несколько страниц пояснению причин невозможности постоянного существования ее в форме централизованной или дуалистической монархии [15, с. 414–418], Данилевский подробно доказывал, что федералистские проекты, на его взгляд, были уже бесцельны спасти Австро-Венгрию от полного распада. Причину этого он видел в том, что при федерализме в политической системе империи станут преобладать славяне, а им уже со второй половины XVIII в. не было никаких причин держаться за австрийскую государственность ни в ее существующих границах, ни в случае расширения империи в сторону Балкан, даже если такую новую большую Австрию стала бы поддерживать вся Европа [15, с. 419–434].

Завершал Данилевский свое рассуждение констатацией, что при любом пути развития Австро-Венгрия рано или поздно распадется; однако он допускал значительные сроки постепенного «разложения» ее изнутри. Следует обратить особое внимание на слова Данилевского, что «федерация может составить не более как ступень в разложении противоестественных политических групп, Австрии и Турции, потерявших всякое значение и всякий разумный исторический смысл, – ступень, предшествующую новой группировке их составных элементов. Но ступень эта может сделаться весьма опасной, ибо может привести эти элементы к судьбе несравненно печальнейшей, нежели та, под гнетом которой они теперь томятся и страдают. Мы видели, что в видах Европы австро-турецкая федерация может быть только средством для удобнейшего обезнарождения славян – и вместе орудием, направленным против России». Причем позднее, в начале 1880-х гг., Данилевский добавил опубликованное посмертно примечание о том, что события действительно пошли по указанному здесь сценарию [15, с. 434–435].

Со словами Данилевского близко перекликаются мысли лидера позднего славянофильства генерала А.А. Киреева, и это нельзя спи-

сать на влияние «России и Европы». Киреев уважал Данилевского, но его историческая концепция не повлияла на взгляды самого Киреева [16, с. 19–20], а аналогичные прогнозы относительно Австро-Венгрии генерал стал высказывать не только задолго до знакомства с «Россией и Европой», но даже еще до ее выхода в свет, основываясь исключительно на собственном жизненном опыте (еще в годы Крымской войны Киреев служил на русско-австрийской границе). В дальнейшем ему приходилось не раз бывать при венском дворе, общаться с австрийской аристократией, ужинать с императором и даже быть награжденным в 1874 г. орденом Австрийской короны [17]. Немаловажно и то, что в 1870-е гг. русским послом в Вене был Е.П. Новиков, брат зятя Киреева. Богатый опыт личного общения с политическими деятелями как из австрийского правительства, так и из чешской, русинской, венгерской, хорватской оппозиции позволял Кирееву делать важные выводы.

Генерал сочувственно относился к отдельным представителям старой австрийской знати – сторонникам дружбы с Россией, но четко отделял личные отношения с ними от вопроса о политической будущности дуалистической монархии. Здесь он был категоричен: «Австрия была всегда нашим врагом, всегда нам вредила и будет вредить (пока не сделается *славянским* государством, а им она едва ли когда сделается)» [18, л. 77]. «Такие организмы поневоле делают величайшие несправедливости, гадости, мерзости, потому что только ими могут продолжать свой „struggle for life“. *Не могут* такие организмы жить легко и честно, ибо то, что для другого организма ничто, безразлично или даже нормально, хорошо – то для них яд. Австро-Венгрия стоит неправдой, как Польша – беспорядком» [19, л. 54–54 об.]. Эти строки относятся к 1884-му и 1896 г., но намного раньше, уже в 1864 г., Киреев говорил, что «славянский вопрос может решиться только с падением Австрии», а в 1868 г. несколько раз писал в своем дневнике, что дуалистической монархии суждено просуществовать еще одно-два поколения: удивительно точный прогноз, данный еще до Данилевского! [20, л. 61; 21, л. 80–82; 22, л. 3–4].

Исходя из этого обстоятельства, Киреев считал, что в течение данного срока России нет никакого смысла вступать в прямой конфликт с обреченной на гибель соседкой. «Австрию надо беречь, пока мы недостаточно сильны для того, чтобы подобрать наследство, или, по крайней мере, защитить его от Пруссии, – пояснял Киреев в 1874 г. – Ежели мы будем действовать в славянском духе, то немцы и венгры бросятся в

объятия Германии, Австрия распадется, а этого желать еще рано». Эту мысль Киреев высказывал много раз и в 1880-е гг. [23, л. 86, 99 об.; 24, л. 151 об., 242, 300]. В «детскую иллюзию» о превращении Габсбургской монархии в федерацию народов он не верил, полагая, что после ухода с политической сцены старой аристократии, скреплявшей империю воедино, между поднимающейся буржуазией немцев, чехов, венгров, словенцев, между «пражским пивоваром и пештским сапожником» не осталось ничего общего [19, л. 59–60, 64].

При всём том Киреев убеждал своих соратников по Славянскому благотворительному обществу терпеливо ждать ее естественного конца: «Австрия не только поступает глупо, присоединя к себе ненужные ей провинции, но еще и тем, что заслуживает ненависть России, России, которая могла бы ей пригодиться! Но своей судьбы не избежнешь, Австрия идет к гибели!» [19, л. 43–43 об.].

Однако в 80–90-е гг. XIX в. Киреев стал указывать и на те опасности, которые Австро-Венгрия может причинить России еще до своего распада. Во-первых, это рост ее политического, экономического, культурного, религиозного (католического) влияния в ущерб России на Балканах. Во-вторых, Киреев имел в виду то обстоятельство, что в монархии Франца-Иосифа славянские народы «заражаются» западными либеральными идеями. Даже на страницах подцензурной печати Киреев в 1891 г. выражал опасения, что Австро-Венгрия «успеет заразить захваченные области папизмом и парламентаризмом и сделает из них врагов России и ее идеалов» [25, с. 338]. Учитывая склонности некоторых Габсбургов, например кронпринца Рудольфа, к антирусским проектам создания «большой Польши», к намерениям захватить Украину и т.п., Киреев опасался, что даже «ославяненная» Австро-Венгрия может превратиться во «вторую Польшу»: «Будущность и спасение – в федерализме! Верно; но какая всеобщая идея заложена в этой федерации? Очевидно, *ягеллоновская* идея, а в этом есть и величайшая опасность для нас». Вот почему Киреев восклицал: «Нам не безразлично смотреть, как австрийцы едят славян!» [24, л. 148 об.; 19, л. 111–111 об., 169, 182–182 об.; 26, л. 378; 18, л. 152 об.].

Вместе с тем возможность русско-австрийской войны в 80–90-е гг. XIX в. Киреев решительно исключал и предлагал дипломатическое разграничение влияния на Балканах [19, л. 136, 154–156, 158 об.; 26, л. 31, 79]. Будучи германофилом, Киреев до последнего надеялся на примирение России с Германией и растор-

жение Тройственного союза, но в то же время считал выгодным для России и выход Австрии из-под германской гегемонии. Много раз Кирееву доводилось обсуждать с австрийскими военными и дипломатами степень зависимости Вены от Берлина. Генерал убеждал их в том, что Германская империя – враг Австрии и жаждет получить свою долю после распада последней. Аргументы своих собеседников об экономической и географической целесообразности существования единого *Donaustaates* он отклонял на том основании, что политические, националистические, идейные мотивы преобладают над экономическими в таких вопросах [19, л. 141 об., 187; 26, л. 213, 216–216 об., 404 об. – 405].

Из своих визитов в Австро-Венгрию и общения с тамошними политиками Киреев к концу 1890-х гг. вынес твердую уверенность в том, что империя Габсбургов становится всё более неуправляемой и обречена на гибель после смерти Франца-Иосифа. Любопытно, что в своем дневнике Киреев зафиксировал точно такое же мнение Николая II. При этом мыслитель был обеспокоен тем, что «того и гляди, мы всё это прозеваем, мы, с нашей беспринципной политикой, мы, ничего не предвидящие» [18, л. 95 об., 152 об., 163 об., 217 об., 246].

Особые страхи вызывала у Киреева возможность присоединения Цислейтании к Германской империи, что не только чрезмерно усилило бы последнюю, но и резко повысило бы роль католицизма в ней. Еще в 1883 г. в своей статье, обратившей на себя внимание австро-германской прессы, Киреев писал: «Недоразумения и борьба между Россией и Германией могут начаться лишь в том случае, если Германия захочет помочь Австрии распространить ее насильственные захваты на Балканском полуострове» [27, с. 16]. Именно это и произошло к началу XX в., когда Киреев только укрепился в убеждении, что Германия «намерена сцапать Австрию», которая, «как глупая птица, загипнотизированная змеею, сама лезет в открытую пасть чудовища, не думая даже о бегстве!» [18, л. 215, 226; 28, л. 80, 151 об., 256 об.]. В этих условиях в 1902–1903 гг. он полагал, что при условии прекращения оккупации Боснии и угнетения славянского и православного населения в Австро-Венгрии Россия могла бы помириться с последней. «Он должен понять, – писал Киреев о Франце-Иосифе, – что Россия его не съест, а Германия съест, что ему, стало быть, нужно (ибо безопаснее) броситься в наши объятия... Ступите смело на федеративный (справедливый) путь, и мы, русские, не дадим вас съесть!» Характерно, что Киреев внимательно следил за появившимися в Австрии в начале XX

в. проектами федерализации и ждал позитивных изменений от Франца-Фердинанда [26, л. 328 об.; 28, л. 126 об. – 127, 130, 151 об.; 29, л. 289 об.].

К сожалению, потрясения русской революции 1905–1907 гг. Киреев переживал столь тяжело [30], что совершенно не следил за глубоким политическим кризисом, потрясшим Австро-Венгрию в те же годы. Но Боснийский кризис 1908–1909 гг., обернувшийся тяжелым дипломатическим поражением России, Киреев воспринял весьма болезненно, что привело к новой вспышке у него антиавстрийских настроений [31, л. 16, 48].

Хотя генерал скончался в 1910 г., его позиция позволяет пролить свет на отношение русских правых в целом к судьбам Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны. Историки, как правило, анализируя отношение отечественных монархистов к Германии или Османской империи, игнорируют вопрос об их отношении к Австро-Венгрии [32; 33, с. 49–55]. Даже в кандидатской диссертации В.Ю. Белянкиной о внешнеполитических взглядах русских правых автор обходится одной фразой о том, что «прямые действия по разложению империи Габсбургов представлялись нереальными» [32, с. 62]. Правда, в другом месте В.Ю. Белянкина описывает некий австрийский проект создания на основе Австро-Венгрии и балканских государств «Соединенных Дунайских Штатов», но не называет его автора, хотя, очевидно, это О. Яси [32, с. 96].

Следует отметить, что отнюдь не все германофилы из числа русских правых были одновременно австрофилами. К примеру, известный славист В.И. Ламанский в 80–90-е гг. XIX в. был сторонником русско-германского союза и весьма скептически относился к чехам, но и он считал гибель Австро-Венгрии неизбежной [34; 35; 24, л. 182].

С 1903-го по 1908 г. русские правые, от черносотенцев до большинства поздних славянофилов (кроме таких крайних панславистов, как С.Ф. Шарапов), считали необходимым сохранять статус-кво на Балканах в духе Мюрцштегского соглашения между Россией и Австрией. Однако аннексия Боснии и Герцеговины и разразившийся международный кризис выявили серьезные расхождения между консерваторами.

Незадолго до Боснийского кризиса, в июле 1908 г., в Праге состоялся Славянский съезд. Россию на нем представляли в основном либеральные неослависты кадетского толка, но и консерваторы пристально следили за происходившим на съезде. В частности, был отмечен решительный настрой хорватов на федерализа-

цию Дунайской монархии по сравнению с более умеренными требованиями чехов. Тем не менее именно после Пражского съезда лозунги «Среднеевропейских Соединенных Штатов» или «Среднеевропейского имперского союза», восходящие к проектам Поповича и Яси, получили распространение в России [36, с. 152, 174–176].

В дни Боснийского кризиса в России открыто против сербских интересов и в пользу Австро-Венгрии решались высказываться только некоторые крайне правые, например А.В. Кривошеин, П.С. Боткин, В.Н. Орлов, В.И. Гурко, а также «Московские ведомости» и «Новое время» в лице М.О. Меньшикова, который был скорее праволиберальным националистом, но в силу ряда причин был настроен германофильски. Ярый панславист С.Ф. Шарапов тогда даже публично обвинил Меньшикова в том, что тот будто бы подкуплен австрийским послом, и публицисту «Нового времени» пришлось защищать свое честное имя в суде. Еще дальше пошел В.П. Мещерский, в своем «Гражданине» высказывавшийся «против бреда славяноманского сумасшествия» и кричавший «Долой сербов!». Проавстрийскую позицию во время Боснийского кризиса заняли Русское монархическое собрание и Союз Михаила Архангела [32, с. 96, 108–112; 37, с. 186–187, 192, 222–225, 232, 244–246].

И после Боснийского кризиса, в 1909–1910 гг., крайне правая пресса продолжала вести активную пропагандистскую кампанию в пользу союза России с Германией и Австрией. Но большинство правых, включая Киреева и Ламанского, тогда все-таки оказались на стороне сербов, в то время как Мещерского давно уже всерьез не воспринимали. Имеются свидетельства, что многие сторонники русско-германского союза, например посол в Турции Н.В. Чарыков или С. Глинка (оба – умеренные монархисты), считали неременным условием этого союза немецкое давление на Австрию в смысле прекращения ее экспансии на Балканах. Сам Николай II тоже питал такие надежды [37, с. 260, 273, 297–301]. Часть крайне правой прессы по-прежнему настаивала на возврате к Союзу трех императоров: марковская «Земщина» призывала поделить европейскую часть Османской империи между Австро-Венгрией, балканскими странами и Россией [37, с. 309, 319, 346, 348]. В то же самое время другая часть крайне правых, включая дубровинское «Русское знамя», предлагала России в союзе с Германией и Францией поделить между собой Австро-Венгрию, а также английские колонии и доминионы [37, с. 320]. Это не были отвлеченные фантазии: и о возможном русско-франко-германском, и о русско-

австро-германском союзе в 1910 г. велись дипломатические переговоры, и такие политики, как П.А. Столыпин, С.Д. Сазонов и опальный С.Ю. Витте, всерьез рассматривали те же проекты Чарыкова и Боткина. Как известно, максимум, чего тогда удалось достичь – это русско-австрийской договоренности о сохранении статус-кво в конце 1910 г. [38, с. 67–73].

К 1913–1914 гг. в целом явных австрофилов среди русских правых становилось всё меньше и меньше. По-прежнему призывавшего к миру с Германией и Австрией Н.Е. Маркова стал одергивать депутат его собственной фракции Г.А. Шечков [39, с. 77–78]. Сторонниками войны с Австро-Венгрией к этому моменту стали такие бывшие германофилы, как В.М. Пуришкевич и А.В. Кривошеин (который в 1916 г., по иронии судьбы, чуть было не станет генерал-губернатором отвоеванной у австрийцев Галиции). Ряд черносотенных газет, во время Боснийского кризиса занимавших проавстрийскую позицию, к 1911–1912 гг. сменили ее на противоположную. По словам Э. Урибес-Санчес, в 1912–1913 гг. «мысль о соглашении с Австро-Венгрией даже в среде крайне правых популярностью не пользовалась», более того, они всё еще надеялись поделить ее с Германией [32, с. 97–98, 106–107; 40, с. 63–64, 75–76, 80; 38, с. 37–39; 41, с. 396–397].

Впрочем, разногласия среди русских государственных деятелей и дипломатов, придерживавшихся в разной степени «правых» взглядов, сохранялись вплоть до Первой мировой войны. В феврале 1913 г., например, русский дипломат Н.А. Обнорский в записке «Россия и балканский вопрос» выступал за недопущение возникновения сильных славянских государств даже после вероятного распада Австро-Венгрии, в то время как русский посол в Белграде Н.Г. Гартвиг и А.М. Петряев хотели видеть сильную Сербию во главе южных славян (хотя и не желали войны с Австрией). Напротив, русский посол в Черногории А.А. Гирс допускал лишь объединение Сербии и Черногории в существующих границах, без покушения на австрийские границы, при условии автономизации или федерализации Габсбургской монархии [4, с. 56–60, 66–67; 40, с. 59]. К концу 1913 г., уже после двух Балканских войн, в противовес Гартвигу А.А. Гирс в записке «Австро-Венгрия, Балканы и Турция. Задачи войны и мира» вновь призывал правительство вернуться к «духу Мюрцштега» и придерживаться мира с ослабленными Австрийской и Османской империями [3, с. 17; 4, с. 194–195].

Следует добавить, что наиболее сложные в русско-австрийском противостоянии вопросы –

польский и украинский – до 1914 г. оставались на периферии внимания русской общественной мысли, занимавшейся главным образом Балканами и проливами. Опасность, исходившую от украинского национализма в Галиции, явно недооценивал и А.А. Киреев, и такие крайне правые, как М.Н. Гирс, Л.П. Урусов и П.Н. Дурново, в своей знаменитой записке 1914 г. полагавший, что из австрийской Галиции национализм не перекинется в Российскую империю [42, с. 190; 43, с. 47]. Напротив, такие умеренно правые деятели, как депутат-националист В.А. Бобринский, Д.Н. Чихачев, Н.В. Ястребов, А.В. Белгородский, В.Н. Савченко, П.Б. Струве, Н.Н. Шипов и даже либералы-неослависты А.Л. Погодин и Д.Н. Вергун, считали, что присоединение Галиции к России позволит уничтожить очаг униатской пропаганды и малороссийского сепаратизма. Особенно четко эти взгляды были изложены в 1908 г. в записке сотрудника МИД Олферова [1, с. 33; 43, с. 10–12, 41–55; 44, с. 121–129; 41, с. 392–393].

Таким образом, взгляды русских крайне правых, умеренно правых и части либералов по австро-венгерскому вопросу были не столько взаимоисключающими, сколько взаимодополняющими. Крайне правым германофилам удалось привести немало аргументов в пользу выгоды союза с Германией против Великобритании, но при этом они часто ошибочно надеялись на то, что в Берлине «утихомят» Австрию, недооценивая решительную настроенность германской элиты на войну против России [45, с. 507, 515; 39, с. 78, 87–90]. Умеренно правые, со своей стороны, более реалистично смотрели на угрозы со стороны Германии и Австро-Венгрии, подчас недооценивая минусы участия России в Антанте, а заслугой другой части умеренно правых (М.П. Цемовича, К.Я. Грота), правых либералов типа П.Б. Струве и либеральных неославистов вроде А.Л. Погодина является ранняя – уже с 1908 г. – рецепция родившихся внутри самой Австро-Венгрии проектов федерализации в духе А. Поповича и Франца-Фердинанда, а также своевременное осознание необходимости решения украинского вопроса [46, с. 3–4]. Тем самым извлечение уроков из прозрений и просчетов всех политических сил России кануна Первой мировой войны остается важной задачей и сегодня.

Список литературы

1. Исламов Т.М. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001. № 2. С. 11–40.
2. Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003. 608 с.

3. Исламов Т.М. Австро-Венгрия в Первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 14–46.
4. Писарев Ю.А. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. 285 с.
5. Popovici A. Die Vereinigten Staaten von Groß-Österreich. Politische Studien zur Lösung der nationalen Fragen und staatrechtlichen Krisen in Österreich-Ungarn. Leipzig, 1906. 424 S.
6. Kann R.A. Erzherzog Franz-Ferdinand-Studien. Wien, 1975.
7. Isac I.N. The United States of Greater Austria – a step towards European Union? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.centrulgaferencu.ro/user/image/12isac.pdf>
8. Jaszi O. Revolution and Counterrevolution in Hungary. L., 1924. 239 p.
9. Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011. 607 с.
10. Копысь Т. Из истории венгерского федерализма (Оскар Яси и его концепция федерального переустройства придунайского региона Европы) // Европа: журнал Польского института международных дел. 2002. № 4 (5). Т. 2. С. 123–154.
11. Kowalski E. Die Pläne zur Reichsreform der Militärkanzlei des Thronfolgers Franz Ferdinand im Spannungsfeld von Trialismus und Föderalismus. Wien, 2005.
12. Teslaru-Born A. Ideen und Projekte zur Föderalisierung des Habsburgischen Reiches mit besonderer Berücksichtigung Siebenbürgens 1848–1918. Inauguraldissertation an der Johann-Wolfgang-Goethe-Universität. Frankfurt am Main, 2005. 399 S.
13. Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М., 2012. 352 с.
14. Рахшмир П.Ю. Князь Меттерних: человек и политик. Пермь, 2005. 408 с.
15. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2011. 816 с.
16. Золотарев Д.П. Позднее славянофильство и его роль в общественно-политической мысли России 60–90-х гг. XIX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004. 24 с.
17. Грамота на награждение А.А. Киреева орденом Австрийской короны // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 126. Оп. 2. П. 3607. Д. 8.
18. Дневник А.А. Киреева (1894–1899 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12.
19. Дневник А.А. Киреева (1884–1887 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 10.
20. Дневник А.А. Киреева (1864–1865 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2.
21. Дневник А.А. Киреева (1867–1868 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 4а.
22. Дневник А.А. Киреева (1868–1869 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 5.
23. Дневник А.А. Киреева (1869–1876 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 6.
24. Дневник А.А. Киреева (1881–1884 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9.

25. Киреев А.А. Россия и славяне. Второй ответ Spectator'у // Славянские известия. 1891. № 19 (12 мая). С. 334–339.
26. Дневник А.А. Киреева (1887–1894 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11.
27. Киреев А.А. Отзывы на изложение наших принципов в первом номере «Известий» // Известия СПб. Славянского благотворительного общества. 1883. № 3. С. 13–17.
28. Дневник А.А. Киреева (1900–1904 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 13.
29. Дневник А.А. Киреева (1905–1908 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14.
30. Медоваров М.В. *Finis Rossia: революция 1905–1907 гг. и ее последствия глазами консерваторов (на примере А.А. Киреева и Л.А. Тихомирова)* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1. С. 308–314.
31. Дневник А.А. Киреева (1909–1910 гг.) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 15.
32. Белянкина В.Ю. *Внешиполитические взгляды русских правых (1907–1914 гг.)*. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Кострома, 2005. 215 с.
33. Игнатъев А.В. *Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События*. М., 2000. 233 с.
34. Киреев А.А. Открытое письмо к профессору Ламанскому // Известия СПб. Славянского благотворительного общества. 1888. № 4–5. С. 199–203.
35. Ламанский В.И. Открытый ответ генералу Кирееву // Там же. С. 203–235.
36. Дьяков В.А. *Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России*. М., 1993. 207 с.
37. Бестужев И.В. *Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910*. М., 1961. 406 с.
38. Аветян А.С. *Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны. 1910–1914*. М., 1985. 287 с.
39. Иванов А.А. *Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917)*. М. – СПб., 2013. 520 с.
40. Бестужев И.В. *Борьба в России по вопросам внешней политики накануне Первой мировой войны (1910–1914 гг.)* // Исторические записки. Т. 75. М., 1965. С. 44–85.
41. *История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции)*. М., 1997. 672 с.
42. Дурново П.Н. *Записка П.Н. Дурново* // Красная новь. 1922. № 6. С. 178–199.
43. Бахтурина А.Ю. *Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны*. М., 2000. 264 с.
44. Бахтурина А.Ю. *Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)*. М., 2004. 392 с.
45. Тарле Е.В. *Германская ориентация и П.Н. Дурново в 1914 г.* // Сочинения в 12 т. Т. 11. М., 1961. С. 503–522.
46. Дьяков В.А. *Славянский вопрос в русской общественной мысли 1914–1917 годов* // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 3–11.
6. Kann R.A. *Erzherzog Franz-Ferdinand-Studien*. Wien, 1975.

References

CRISIS OF AUSTRIA-HUNGARY AND THE RUSSIAN CONSERVATIVE THOUGHT ON THE EVE OF WORLD WAR I

M.V. Medovarov

We examine the projects of reforms and federalization of the Austro-Hungarian Empire in the early 20th century. These projects appeared within Austro-Hungary as well as in the Russian Empire, among Russian right-wing and moderate right-wing thinkers and statesmen.

Keywords: Austro-Hungarian Empire, Slavophilism, Conservatism, Neoslavism, Alexander Kireev, Nikolay Danilevsky, Piotr Durnovo, Franz-Ferdinand, Aurel Popovici, Oszkár Jászi.

- Islamov T.M. *Imperiya Gabsburgov. Stanovlenie i razvitie. XVI–XIX vv.* // Novaya i novejšaya istoriya. 2001. № 2. S. 11–40.
- SHimov Ya. *Avstro-Vengerskaya imperiya*. М., 2003. 608 s.
- Islamov T.M. *Avstro-Vengriya v Pervoj mirovoj vojne. Kraih imperii* // Novaya i novejšaya istoriya. 2001. № 5. S. 14–46.
- Pisarev Yu.A. *Velikie derzhavy i Balkany nakanune Pervoj mirovoj vojny*. М., 1985. 285 s.
- Popovici A. *Die Vereinigten Staaten von Groß-Österreich. Politische Studien zur Lösung der nationalen Fragen und staatrechtlichen Krisen in Österreich-Ungarn*. Leipzig, 1906. 424 S.
- Isac I.N. *The United States of Greater Austria – a step towards European Union?* [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.centrulgafencu.ro/user/image/12isac.pdf>
- Jaszi O. *Revolution and Counterrevolution in Hungary*. L., 1924. 239 p.
- Yasi O. *Raspad Gabsburgskoj monarhii*. М., 2011. 607 s.
- Kopys' T. *Iz istorii vengerskogo federalizma (Oskar Yasi i ego koncepciya federal'nogo pereustrojstva pridunajnskogo regiona Evropy)* // Evropa: zhurnal Pol'skogo instituta mezhdunarodnyh del. 2002. № 4 (5). Т. 2. S. 123–154.

11. Kowalski E. Die Pläne zur Reichsreform der Militärkanzlei des Thronfolgers Franz Ferdinand im Spannungsfeld von Trialismus und Föderalismus. Wien, 2005.
12. Teslaru-Born A. Ideen und Projekte zur Föderalisierung des Habsburgischen Reiches mit besonderer Berücksichtigung Siebenbürgens 1848–1918. Inauguraldissertation an der Johann-Wolfgang-Goethe-Universität. Frankfurt am Main, 2005. 399 S.
13. Karpovich M.M. Lekcii po intellektual'noj istorii Rossii (XVIII – nachalo XX veka). M., 2012. 352 s.
14. Rahshmir P.Yu. Knyaz' Metternih: chelovek i politik. Perm', 2005. 408 s.
15. Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa. M., 2011. 816 s.
16. Zolotarev D.P. Pozdnee slavyanofil'stvo i ego rol' v obshchestvenno-politicheskoj mysli Rossii 60–90-h gg. XIX veka. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2004. 24 s.
17. Gramota na nagrazhdenie A.A. Kireeva ordenom Avstrijskoj korony // Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki (dalee – OR RGB). F. 126. Op. 2. P. 3607. D. 8.
18. Dnevnik A.A. Kireeva (1894–1899 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 12.
19. Dnevnik A.A. Kireeva (1884–1887 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 10.
20. Dnevnik A.A. Kireeva (1864–1865 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 2.
21. Dnevnik A.A. Kireeva (1867–1868 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 4a.
22. Dnevnik A.A. Kireeva (1868–1869 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 5.
23. Dnevnik A.A. Kireeva (1869–1876 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 6.
24. Dnevnik A.A. Kireeva (1881–1884 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 9.
25. Kireev A.A. Rossiya i slavyane. Vtoroj otvet Spectator'u // Slavyanskije izvestiya. 1891. № 19 (12 maya). S. 334–339.
26. Dnevnik A.A. Kireeva (1887–1894 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 11.
27. Kireev A.A. Otyzvy na izlozhenie nashih principov v pervom nomere «Izvestij» // Izvestiya SPb. Slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva. 1883. № 3. S. 13–17.
28. Dnevnik A.A. Kireeva (1900–1904 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 13.
29. Dnevnik A.A. Kireeva (1905–1908 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 14.
30. Medovarov M.V. Finis Rossia: revolyuciya 1905–1907 gg. i ee posledstviya glazami konservatorov (na primere A.A. Kireeva i L.A. Tihomirova) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2014. № 1. S. 308–314.
31. Dnevnik A.A. Kireeva (1909–1910 gg.) // OR RGB. F. 126. Op. 1. D. 15.
32. Belyankina V.Yu. Vneshnepoliticheskie vzglyady russkih pravyh (1907–1914 gg.). Diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Kostroma, 2005. 215 s.
33. Ignat'ev A.V. Vneshnyaya politika Rossii. 1907–1914: Tendencii. Lyudi. Sobytiya. M., 2000. 233 s.
34. Kireev A.A. Otkrytoe pis'mo k professoru Lamanskomu // Izvestiya SPb. Slavyanskogo blagotvoritel'nogo obshchestva. 1888. № 4–5. S. 199–203.
35. Lamanskij V.I. Otkrytyj otvet generalu Kireevu // Tam zhe. S. 203–235.
36. D'yakov V.A. Slavyanskij vopros v obshchestvennoj zhizni dorevolucionnoj Rossii. M., 1993. 207 s.
37. Bestuzhev I.V. Bor'ba v Rossii po voprosam vneshnej politiki. 1906–1910. M., 1961. 406 s.
38. Avetyan A.S. Russko-germanskije diplomatische otosheniya nakanune Pervoj mirovoj vojny. 1910–1914. M., 1985. 287 s.
39. Ivanov A.A. Pravye v rusском parlamente: ot krizisa k krahu (1914–1917). M. – SPb., 2013. 520 s.
40. Bestuzhev I.V. Bor'ba v Rossii po voprosam vneshnej politiki nakanune Pervoj mirovoj vojny (1910–1914 gg.) // Istoricheskie zapiski. T. 75. M., 1965. S. 44–85.
41. Istoriya vneshnej politiki Rossii. Konec XIX – nachalo XX veka (ot rusско-francuzskogo soyuza do Oktyabr'skoj revolyucii). M., 1997. 672 s.
42. Durnovo P.N. Zapiska P.N. Durnovo // Krasnaya nov'. 1922. № 6. S. 178–199.
43. Bahturina A.Yu. Politika Rossijskoj imperii v Vostochnoj Galicii v gody Pervoj mirovoj vojny. M., 2000. 264 s.
44. Bahturina A.Yu. Okrainy Rossijskoj imperii: gosudarstvennoe upravlenie i nacional'naya politika v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917 gg.). M., 2004. 392 s.
45. Tarle E.V. Germanskaya orientaciya i P.N. Durnovo v 1914 g. // Sochineniya v 12 t. T. 11. M., 1961. S. 503–522.
46. D'yakov V.A. Slavyanskij vopros v rusскоj obshchestvennoj mysli 1914–1917 godov // Voprosy istorii. 1991. № 4–5. S. 3–11.